

Пол Готфрид

**СТРАННАЯ
СМЕРТЬ
МАРКСИЗМА**

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЛЕВЫЕ В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Пол Готфрид

Странная смерть марксизма

Серия «Политическая наука (Социум)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49591202

Странная смерть марксизма:

ISBN 978-5-91603-573-5

Аннотация

Американский политолог профессор Пол Готфрид посвящает свою работу анализу новой разновидности левой идеологии, пришедшей на смену «старому» марксизму, который с крушением СССР по большей части остался в прошлом. В отличие от исторического марксизма, который был сосредоточен на истории как развертывающемся диалектическом процессе и на борьбе класса пролетариата с классом буржуазии, современное «политкорректное» левое движение обратило свои надежды к культурной элите как двигателю революции. Автор анализирует историю, природу и причины успеха политической идеологии мультикультурализма, господствующей ныне в Европе и в Северной Америке. Он доказывает, что многие из идей, ставших популярными в современном левом движении, – такие, как отстаивание «альтернативных образов жизни», феминизм, нападки на семью как «репрессивный» институт и т. д. – не являются европейскими по своему происхождению, а

заимствованы из США. П. Готфрид раскрывает механизмы становления современного «терапевтического государства» на Западе.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

От издателя	6
Предисловие	9
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пол Готфрид
Странная смерть
марксизма

© 11990 by The Curators of the University of Missouri

© АНО «ИРИСЭН», 2009

От издателя

Книга известного американского историка и политолога Пола Готфрида «Странная смерть марксизма» продолжает политическую серию издательского проекта ИРИСЭН, реализуемого издательством «Мысль». Ее автор – профессор Элизабеттаунского колледжа (штат Пенсильвания), автор восьми книг и многочисленных научно-популярных и научных статей. Он известен также как один из ведущих консервативных публицистов современной Америки.

Из всех крупных работ П. Готфрида мы выбрали для публикации на русском языке именно эту в силу целого ряда причин. Книга посвящена современному левому движению, причем главным образом не маргинальным течениям, а его «ядру», в идейном поле представленному так называемым культурным марксизмом. Знание истории этого движения и его идей является ключом к пониманию всей современной западной политики.

Важно также то, что автор, несмотря на подзаголовок книги, не ограничивается узкой темой европейских левых идей, но прослеживает их сложные взаимоотношения с американскими идейными течениями – в первую очередь с прогрессизмом и современным «либерализмом» (англо-саксонским вариантом левой идеологии). Эти взаимосвязи зачастую недооцениваются российскими авторами, пишущими

об идеологии мультикультурализма в Европе и о ее последствиях.

Интерес представляет и то, что «Странная смерть марксизма» написана консерватором, т. е. «правым», в то время как серьезные тексты о европейских левых, существующие на русском языке, написаны, как правило, левыми же или сочувствующими им. В то же время автору в целом удастся не выходить за пределы академической корректности, рассказывая о своих идейных оппонентах. «Книга правого о левых» может серьезно помочь русскоязычному читателю и в переосмыслении традиционного политического спектра применительно к нашим постсоветским политическим реалиям.

Наконец, интересно и то, что эта книга написана американцем о европейцах. Взгляд представителя одной политической культуры на феномены другой почти всегда бывает интересен; русскоязычный же читатель, как правило, принадлежащий к третьей политической культуре, может с помощью этой книги получить объемную картину современной мировой политической и идеологической жизни.

Данное издание является первым в книжной серии ИРИ-СЭН, снабженным профессиональным комментарием научного редактора. По мере возможности мы будем и дальше продолжать эту практику.

Мы полагаем, что книга П. Готфрида «Странная смерть марксизма» будет представлять интерес для широкого кру-

га читателей, интересующихся современной европейской и
мировой политикой.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,

Председатель Редакционного совета

Март 2009 г.

Предисловие

Я хотел бы поблагодарить тех моих знакомых, кто прочитал до публикации весь текст или его часть либо помог мне в сборе информации, а именно Дэвида Брауна, Дэвида Гордона, Уилла Хэя, Джеймса Курта, У. Уэсли Макдоналда, Стэнли Мичалака, Марту Пеннингтон, Гэбриела Риччи, Пола Крэйга Робертса, Уэйна Селчера и Джозефа Стромберга. Двое немецких ученых, Стефан Эрнольд и Гвидо Хюльсманн, избавили меня от лишних поездок в поисках данных. Их электронные письма чрезвычайно помогли мне при работе над примечаниями к тексту. Мой бывший коллега, заслуженный профессор Фредерик Рич прочел черновые варианты текста, причем отнюдь не ограничился поверхностным просмотром. Он, кроме того, предоставил в мое распоряжение свои книги и массу собранных им заметок о послевоенной французской компартии – профессор Рич некогда собирался писать монографию по этой сложной теме. Я, с непременными ссылками, использовал его доводы о преимущественно немарксистском характере французских интеллектуалов-коммунистов. Молодой экономист Иен Флетчер сверил приводимые мною статистические данные. Когда цифры наших источников расходились, я чаще всего доверялся его профессиональным суждениям. Наконец, моя коллега Кэтрин Р. Келли, в отличие от меня превосходно знакомая с компьютером, по-

могла в верстке текста и одарила меня поразительным разнообразием шрифтов и параметров страниц.

Я также в долгу перед моим недавно скончавшимся другом и давним редактором журнала *Telos* Полом Пикконе за неистовые споры со мной на темы, рассматриваемые в этой книге и в двух предыдущих, посвященных феномену государства-корпорации. Хотя Пол мог бы сказать, что я отнесся к Франкфуртской школе без пиетета, свойственного ему самому, я поддерживаю разработанную им версию ее критического метода и использую его идеи в моей работе. При всех моих разногласиях с терапевтическими подходами Теодора Адорно к политике я включил в свой анализ его идеи о современных механизмах контроля и их идеологическом оправдании.

Расположенный напротив моего дома колледж Элизабеттауна, в котором я работал, помог мне во множестве мелочей: позволил мне загружать работников библиотеки, которые помогали в поиске ссылок, организовал публичное выступление, на котором мне представилась возможность проверить свои идеи на моих незадачливых коллегах и студентах, а также оказал материальную помощь. Фонд Эрхарда, финансировавший мои исследования в предыдущие двадцать лет, помог мне и на этот раз. Я должен поблагодарить журналы *Catholica*, *Conflicts Actuels*, *Telos*, *Journal of Libertarian Studies* и *Orbis* – все эти периодические издания любезно предоставили свои страницы для публикации моих

идей. А моей жене Мэри пришлось перенести суровое испытание – выслушивать меня по мере того, как шла работа над книгой, и, значит, я обязан извиниться перед ней и поблагодарить ее. В будущем я постараюсь не загружать ее таким числом всяких подробностей.

На идею написать эту книгу меня натолкнул былой бестселлер Аллана Блума «Затмение американского разума» (*The Closing of the American Mind*). С тех пор, как в 1987 году я впервые прочел эту книгу, утверждения ныне покойного профессора Чикагского университета и «консервативного» критика американской культуры и обычаев вызывали у меня непреходящее недоумение. Указания Блума на «германские связи» американских университетских левых казались мне настолько необоснованными, что тот факт, что другие комментаторы, в других случаях вполне здравомыслящие, обсуждали их с одобрением, просто сводил меня с ума. Если, как утверждает Блум, такие немецкие злодеи и враги эгалитаризма, как Фридрих Ницше и Мартин Хайдеггер, и проторили путь для нацизма и американских «новых левых», то эти обвинения по меньшей мере не очевидны. Их необходимо доказать. То же самое относится и к другому утверждению профессора Блума, что руководящим принципом американских левых является не радикальный эгалитаризм, а идеи партикуляризма и исторического релятивизма, заимствованные Америкой у Европы.

Следует задать вопрос: почему с этими мнениями со-

глашаются люди, которых, казалось бы, нельзя обвинить в незнании материала? Более того, почему на европейцев возлагают вину за движения и идеи, которые мы, американцы, с нашими средствами и специалистами, могли создать и сами? Данная книга предлагает по крайней мере предварительные ответы на эти вопросы.

Глава 1

Введение

Анализируя результаты прошедших весной 1999 года итальянских муниципальных выборов, многоопытный итальянский политический аналитик Эрнесто Галли делла Лоджия объяснил в миланской газете *Corriere della Sera*, что на этот раз избиратели обманули ожидания журналистов. Рабочие подали за левых меньше голосов, чем предполагалось, зато коммунисты и другие левые партии привлекли электорат, состоящий из борцов за права гомосексуалистов, активистов феминистского движения, защитников природы, борцов за мультикультурность и вообще, если говорить более широко, не состоящих в браке людей свободных профессий. Приходится заключить, что для изменившихся итальянских левых теперь характерны «нетрадиционный стиль жизни» и в то же время неприязнь к традиционной европейской морали. Делла Лоджия ностальгически замечает, что в его молодости у итальянских коммунистов были четко определенные цели: они поддерживали международную политику Советского Союза, идею классовой борьбы и национализации средств производства. Но на самом деле их избиратели хотели лишь выжать социальные льготы и субсидии из государства и руководителей итальянской промышленности (*la*

classe padronale), и более всего они стремились к тому, чтобы получить побольше удобств буржуазной жизни¹. Поддерживавшие коммунистов рабочие меньше всего заботились о свободе практиковать альтернативные стили жизни или о том, чтобы демаскулинировать рабочие места.

Как отмечает Анни Кригель, автор книги «Французские коммунисты», трудно найти другую группу, представители которой были бы больше озадачены самой идеей равенства полов, чем эти самые коммунисты. Еще в 1970-е годы партийные ряды на 70 % состояли из мужчин, а женщины оказывали на партийные решения лишь «незначительное влияние»². Более того, говорившееся на партийных собраниях о женщинах и семейной жизни куда больше приличествовало бы собранию католических священников в период до Второго Ватиканского собора. В своей работе Кригель подчеркивает, что французские коммунисты сочетали экономический радикализм с глубоко консервативными социальными установками. Но уже в 1990-е годы тот же автор в своих журналистских публикациях начала нападать на коммунистов и их социалистических союзников за попытки радикализировать французское общество³. Теперь речь шла не о косной

¹ Ernesto Galli della Loggia, “Quando i ceti medi bocciano la sinistra”, *Corriere della Sera*, 4 июля 1999 г. P. 1.

² Annie Kriegel, *The French Communists: Profi le of a People*, trans. Elaine P. Halperin (Chicago: University of Chicago Press, 1994), P. 61–64.

³ Annie Kriegel, “Sur l’antifascisme”, *Commentaire*. Vol. 12 (summer 1990). P. 299. См. также автобиографию Кригель, *Ce que j’ai cru comprendre* (Paris: Robert

культуре, с которой ассоциировался французский марксизм, а о его превращении в радикализирующую культурную силу, находящуюся в союзе с государственной властью.

В дело вмешались обстоятельства, изменившие самый смысл *марксизма*. Европейские коммунистические партии уже не были массовыми избирательными блоками рабочего класса, которые контролировали до трети голосов на общенациональных выборах, как бывало во Франции и Италии после Второй мировой войны. В 1990-е годы произошло масштабное падение численности европейских профсоюзов, что и проанализировано в подробном исследовании, опубликованном в *Le Monde Diplomatique*.

Автор исследования Пьер Бурдые выражает беспокойство, что еще немного, и организованные рабочие превратятся в столь незначительную силу, что не смогут оказывать никакого влияния на позиции французского правительства. В сфере экономики политические различия между правыми и левыми свелись к мелким деталям. Правые принимают государство благосостояния и даже расширяют его, а левые отказались от планов государственного контроля над отраслями экономики. Место левацких призывов к обострению классовой борьбы заняли разговоры о «третьем пути» между капитализмом и социализмом, а тем временем левоцен-

Laffont, 1991), которая написана с позиции коммуниста, разочарованного идеологической эволюцией Французской коммунистической партии в послевоенные годы.

тристские правительства в Германии, Англии и Франции заняты не только перераспределением доходов, но и урезанием бюджетных расходов⁴. А самое главное, некогда мощная коммунистическая избирательная машина теперь получает на выборах лишь 5–8 %. Это позволяет компартиям в Италии и во Франции входить в левоцентристские коалиции, а в Германии – предлагать себя в качестве альтернативы «зеленым» в партнеры социал-демократам. Первый раунд французских президентских выборов завершился 21 апреля 2003 года разгромом коммунистической партии. Если Жан-Мари Ле Пен, кандидат правых популистов, пришел к финишу вторым, то Робер Ю, кандидат коммунистов и руководитель компартии, набрал всего 3 % голосов и оказался на пятом месте. Поскольку компартия не сумела преодолеть пятипроцентный барьер, что позволило бы ей не возвращать государству ассигнованные на выборы восемь миллионов евро, для погашения долгов коммунистам пришлось выставить на продажу свою штаб-квартиру⁵.

Сегодня европейские коммунистические партии сохраняются просто как довесок к более обширным группировкам сил на левом политическом фланге. Что бы ни было тому

⁴ Pierre Bordieu, “Pour un mouvement européen”, *Le Monde Diplomatique*, 2 июня 1999 г. P. 16.

⁵ См.: Marie-Claire Lavabie, François Platone F. *Que reste-il du PCF?* (Paris: Editions Autrement, 2003). P. 66–73; а также: Bernard Dolez, Annie Laurent, “Marches et marges de la gauche” в: Pascal Perrineau, Colette Ysmal, *Le vote de tous les refus* (Paris: Presses de Sciences-Po, 2003).

причиной – повышение общего уровня жизни, ослабление солидарности рабочего класса или очевидная непривлекательность коммунистического опыта, – коммунистические партии Западной Европы утратили свою электоральную привлекательность. Время от времени они делают попытку вернуться к власти в Польше, Венгрии, России или в государствах Балтии, но это говорит лишь о том, что население этих стран фрустрировано затянувшимся нелегким переходом к свободной или квазисвободной рыночной экономике. В любом случае довольно трудно обосновать утверждение о том, что наблюдаемые время от времени успехи на выборах переименованных коммунистических партий Восточной Европы свидетельствуют о возрождении веры в марксизм или в пролетарскую солидарность.

Консервативные критики обычно расходились в объяснениях этого превращения коммунистов в младших партнеров левоцентристских партий. Такие горячие сторонники американской внешней политики, направленной на продвижение демократии по всему миру, как, например, Майкл Новак из Американского института предпринимательства, а также Фрэнсис Фукуяма и Джордж Гилдер, утверждают, что устоять перед американским «демократическим капитализмом» практически невозможно, в силу чего бывшие европейские марксисты и спешат поддержать «американскую модель», сочетающую государство благосостояния с расширением возможностей для инвестирования капитала. Все,

кроме самых отсталых, приняли этот срединный путь между совершенно свободным рынком и полностью огосударственной экономикой, который позволяет совместить требование равенства с материальными стимулами и экономическим прогрессом⁶.

Менее оптимистичные наблюдатели из числа традиционных правых, однако, сомневаются в том, что коммунистический хищник лишился клыков. И некоторые из их аргументов заслуживают внимания. Все европейские парламентские коалиции с участием коммунистов уклоняются от признания массовых убийств, совершенных коммунистами в России и в других странах. Такое отрицание вины можно было наблюдать 12 ноября 1997 года во французском парламенте, а 27 января 2000 года – в итальянском. В первом случае французский премьер-министр, социалист Лионель Жоспен, отвечая на вопрос оппозиции, верит ли он, что Сталин убил миллионы людей, прибег к словесным уверткам – отчасти из уважения к коммунистическим партнерам по коалиции. Жоспен утверждал, что «коммунистическая революция была одним из величайших событий нашего века» и «как бы ни оценивать сталинскую Россию, она

⁶ См.: Novak M. *The Spirit of Democratic Capitalism* (New York: Simon and Schuster, 1982); George Gilder, *The Spirit of Enterprise* (New York: Simon and Schuster, 1984) [Русск. пер.: Новак М. Дух демократического капитализма. Минск: Лучи Софии, 1997]; а также: Fukuyama F. "The End of History?" *National Interest*. Vol. 16 (summer 1989). P. 4–6. [Русск. пер.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3].

была нашим союзником в войне с нацистской Германией». И, хотя в советской истории были «трагические» страницы, премьер-министр считает «несомненной ошибкой возлагать равную вину на коммунизм и нацизм»⁷. Вот, собственно, и все о равной оценке геноцида нацистских и коммунистических массовых убийц, когда речь заходит о собственных политических союзниках, «объединением с которыми гордится» Жоспен.

Столь же красноречивым свидетельством сталинистской подкладки европейских левых стало обсуждение предложения правившей тогда в Италии левоцентристской коалиции ввести ежегодный «день памяти о преступлениях фашизма и нацизма». Когда представитель правоцентристской коалиции предложил расширить формулировку и включить в нее «всех жертв политической тирании», другая сторона громко этому воспротивилась. Один из депутатов-коммунистов выразил недовольство и заявил, что «одержимость» тем, что делали или чего не делали коммунистические правительства, – это всего лишь дымовая завеса. На самом деле правоцентристы «никак не могут в душе примириться с тем, что они участвовали в принятии фашистского закона 1938 года [лишившего итальянских евреев прав гражданства] и в по-

⁷ *Le Monde*, 14 ноября 1997 г. Р. 8. Менее сочувственное описание этого спора см. в: Sévillia J. *Le terrorisme intellectuel: De 1945 a nos jours*. (Paris: Perrin, 2000), Р. 202–204.

следующей депортации евреев [в 1943 году]»⁸. На деле же в нынешней правоцентристской коалиции нет тех, кого можно обвинить в этих двух постыдных деяниях, второе из которых было реализовано усилиями СС и очень малого числа итальянцев⁹. Сравнение сегодняшних правоцентристов с фашистским правительством конца 1930-х совершенно неправомерно, и еще менее правомерно сравнение с республикой Сало, которая была навязана Италии немецкими оккупантами в 1943 году. Более того, в отличие от итальянских левоцентристов, правоцентристы были готовы без колебаний осудить все формы тоталитаризма. Для тех, кто усматривает преемственность между прежними коммунистами и нынешними, наглядным доказательством правоты служит этот упорный отказ разобраться с коммунистическим прошлым и отвержение любых попыток осудить прежние злодеяния под тем предлогом, что такие попытки являются проявлением «фашизма».

Можно также вспомнить превращение восточногерманских коммунистов и их западногерманских сторонников в Партию демократического социализма, основанную в 1990-

⁸ Об этой дискуссии в итальянском парламенте см.: *Il Mattino*, 17 апреля 2000 г. Р. 17.

⁹ О том, что и до и после 1938 года режиму Муссолини не был присущ оголтелый антисемитизм, см.: Léon Poliakov, *Gli ebrei sotto l'occupazione italiana* (Milan: Comunità, 1956); Meir Michaelis, *Mussolini and the Jews* (Oxford: Clarendon Press, 1978); а также: Renzo De Felice, *Storia degli ebrei sotto il fascismo* (Turin: Einaudi, 1977).

е годы в качестве моста между коммунистическим прошлым и современностью. Бывший руководитель партии Грегор Гизи был агентом Штази, что подтверждено документально, а после падения Берлинской стены занимался организацией «антифашистских» митингов в объединенном Берлине. Его карьера информатора коммунистической тайной полиции в 1975–1987 годах получила огласку в 1995 году, после того как Бундестаг, ознакомившись с докладом о деятельности Гизи в качестве агента тайной полиции, даровал ему амнистию. Когда его противники из числа христианских демократов подняли шум по этому поводу, левая пресса в Германии и Австрии обвинила противников Гизи в организации охоты на ведьм. Франк Штеффель, его главный соперник в Берлине, пошел на попятную после того, как ведущие немецкие журналисты заклеямили его как неумолимого фанатика-антикоммуниста. Укрощенный Штеффель согласился никогда больше не упоминать об этой стороне деятельности Гизи, выдававшего властям Восточной Германии доверившихся ему людей¹⁰.

Но в этой снисходительности средств массовой информации к тем, кто в прошлом принадлежал к левым радикалам, нет ничего необычного. Йошка Фишер, министр иностранных дел Германии, так и не стал объектом нападок ведущих немецких изданий, несмотря на то что в 1960-е годы

¹⁰ Об этих хитросплетениях берлинской политики см. комментарии в *Junge Freiheit*, 13 июля и 27 июля 2001 г.

он был близок к группам левых, тяготевшим к насильственным методам. А французская пресса столь же снисходительно отнеслась к тому, что Жоспен длительное время поддерживал связи с воинствующими троцкистами. В 1991 году ветеран французской компартии Жорж Бударель предстал перед французским судом по обвинению в участии в 1953 году в убийствах французских пленных, захваченных коммунистами из Лиги независимости Вьетнама (Вьет-Мин) во время партизанской войны с французами в Индокитае. В отличие от арестов подозреваемых в пособничестве нацистам во Второй мировой войне, эта неполиткорректная попытка свести счеты с обвиняемым в массовых убийствах взбудоражила парижскую прессу. Свидетелей обвинения, сумевших выжить во вьетминовском «лагере 113», самих обвинили в том, что они стали «объективными пособниками ревизии [Холокоста]», пытаясь «обелить нацизм»¹¹. Бударель был освобожден по формальным основаниям, не имевшим отношения к существу выдвинутых против него обвинений, но к тому времени на левом берегу Сены уже были подготовлены массовые демонстрации в защиту этой якобы жертвы нацистских «коллорабационистов».

В связи с таким поведением средств массовой информации Морис Дрюон, французский журналист и бывший советник Шарля де Голля, пишет, что на политическую историю с конца Второй мировой войны отбрасывали густую тень ком-

¹¹ *Liberation*, 11 ноября 1997 г. P. 1–4; Sévillia J., *Le terrorisme*. P. 204–205.

мунисты и их прихлебатели¹². Согласно Дрюону, пресмыкательство перед тоталитарными левыми существует по-прежнему, хотя численность компартии резко сократилась. Политики продолжают лягать «фашизм» отчасти по привычке, а отчасти потому, что еще не осознали, насколько слабым стал электоральный потенциал коммунистов. К тому же они страшатся нападков прокоммунистических журналистов, истолковывающих любую критику мрачных сторон истории коммунистического движения как проявление сочувствия к фашизму.

Дрюон верно подметил эти выверты в поведении французских левых. Применяемая для умасливания коммунистов нелепая риторика Жоспена, которую до него использовал Франсуа Миттеран, подтверждает выдвинутое Дрюоном обвинение в том, что некоторые французские политики готовы на все, чтобы заслужить благорасположение коммунистов.

Но есть смысл задаться вопросом, действительно ли коммунисты и их сторонники являются марксистами или марксистами-ленинистами? Правда ли, что коммунисты, например, до сих пор исповедуют диалектико-материалистические взгляды на исторический процесс, достигающий апогея в пролетарской революции и в создании социалистического общества, основанного на общественной собственности на средства производства? В каком смысле можно утверждать,

¹² Maurice Druon, *La France aux ordres d'un cadavre* (Paris: Fallois/Rocher, 2001).

что коммунисты все еще верят в классовую борьбу как в ключ к пониманию человеческих отношений и инструмент победы социализма? Заметим, что для настоящих коммунистов в «фашизме» плохо не то, что он против иммиграции (которая фашистов на самом деле никогда не заботила), и не то, что он возбуждает недоброжелательство к меньшинствам, происходящим из стран «третьего мира». Фашисты, согласно традиционным коммунистическим писаниям, ведут борьбу против рабочего класса и помогают обреченным капиталистам отсрочить победу социалистической революции. Короче говоря, фашисты рассматриваются как классовый враг, пытающийся нарушить исторический процесс и повернуть вспять развитие, ведущее к predetermined свыше завершению всех классовых конфликтов в посткапиталистическом пролетарском обществе, которое будет основано коммунистическими вождями.

Эти традиционные коммунистические схемы, широко распространенные в 1930-х годах, когда фашизм был на подъеме, не имеют никакого отношения к нынешним европейским левым. Причина в том, что левые больше не являются марксистами и лишь время от времени вспоминают о социализме.

Если присмотреться к тому, какие законы проталкивают коммунисты в рамках левоцентристских коалиций – начиная с законов, запрещающих разжигание ненависти и направленных главным образом против европейского хри-

стианского большинства, законов, устанавливающих уголовную ответственность за попытки отрицать или преуменьшать преступления нацистского режима в публикациях или телепередачах, и заканчивая финансированием программ внедрения мультикультурализма, установлением дней памяти жертв нацистского режима, защитой прав гомосексуалистов и выделением государственных субсидий беженцам, – трудно понять, какое отношение все это имеет к марксистской революции. Добившись успеха на выборах, Грегор Гизи, бывший шпион коммунистического режима, не стал бороться за распространение восточногерманского коммунизма на Западе¹³. Он и другие давние сторонники коммунистов положили в основу Партии демократического социализма совсем другую политическую повестку дня, а именно государственную защиту прав гомосексуалистов, ослабление ограничений на въезд «политических беженцев», облегчение иммиграции для *Zuwanderer*¹⁴ из «третьего мира» по сравнению с этническими немцами, желающими пере-

¹³ Автобиография Гизи, опубликованная после того, как он, будучи разоблачен в качестве агента тайной полиции ГДР, покинул пост председателя Партии демократического социализма, позволяет составить представление о его «антифашизме». Он защищает восточногерманских коммунистов на том основании, что те серьезно относились к делу поимки и наказания нацистов и к искоренению немецкого национализма. Гизи также обыгрывает то обстоятельство, что в его роду были евреи, а это психологически сближает его с жертвами Холокоста. См.: Gregor Gysi, *Ein Blick zurück: Ein Schritt nach vorn* (Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 2001).

¹⁴ Пришелец, переселенец (нем.). – Прим. ред.

селиться в Германию из бывшего Советского Союза. Партия Гизи вошла в городское правительство Берлина в союзе с Германской социалистической партией и социалистическим мэром Берлина Клаусом Воверайтом, гомосексуалистом-активистом, в политике которого нет ничего марксистского, несмотря на то что он и его партнеры по коалиции поддержали сооружение памятника марксистской революционерке Розе Люксембург, участнице неудачного восстания спартаковцев в 1919 году. Выбор героини характерен для социального радикализма политики Гизи и Воверайта. Польская еврейка, стоявшая на левацких позициях, Люксембург приняла участие в попытке уничтожить молодую Веймарскую республику и была убита военными, которые, как считается, после ее убийства выразили свои антисемитские эмоции. Люксембург была известна тем, что критиковала Ленина, которому, по ее мнению, не удалось совершить подлинно марксистскую революцию. Согласно ее толкованию, Ленин искажил революционный акт, поставив во главе событий партийный авангард. Так возник идеальный символ посткоммунистических левых: еврейская жертва, уничтоженная реакционными немцами за то, что пыталась воплотить в жизнь образцово чистое понимание революции. Но разве это прославление иностранной революционерки, ставшей «жертвой», имеет какое-либо отношение к марксизму или к традиционным программам коммунисти-

ческих партий?¹⁵

Ответ на этот вопрос дают критики «культурного марксизма», и прежде всего Пэт Бьюкенен в своей работе «Смерть Запада», описывающей атаку на «буржуазную мораль», предпринятую немецкими иммигрантами из Франкфуртской школы, как новую и опасную фазу войны марксизма против христианского общества Запада. Согласно Бьюкенену, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе и Эрих Фромм были немецкими радикалами, превратившими марксизм из экономической доктрины в инструмент ниспровержения морали¹⁶. Бьюкенен посвящает основное внимание разбору книги «Авторитарная личность» – вышедшего в 1950 году сборника критических статей под редакцией Адорно и Хоркхаймера. В этом тяжеловесном обличении «буржуазно-христианского» общества традиционные христианские ценности представлены как «патологические» и «протофашистские». Франкфуртская школа, которая в 1930-е годы перебралась из Германии в США, заложила новую основу для обновленной марксистской революции посредством применения своей «критической теории»

¹⁵ На своем веб-сайте Воверайт отмечает «возведение памятника Розе Люксембург на площади, переименованной в ее честь», как одну из «задач» своей администрации, наряду с сооружением отдельных монументов памяти цыган и гомосексуалистов, ставших жертвами фашизма. См. www.klaus.wowereit.de.regierensrichtlinien.htm.

¹⁶ Patrick J. Buchanan, *The Death of the West* (New York: St. Martin's Press, 2002), P. 78–92. [Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2007. С. 130–134].

к преобладающей культуре. В соответствии с новым подходом, социалистам нужно поменьше думать об экономической эксплуатации и побольше о пагубных предрассудках и их якобы добропорядочных носителях. Если господствующий класс не отстранить от власти, он будет порождать расовую ненависть, антисемитизм, женоненавистничество и гомофобию. Только решительные перемены освободят человечество от буржуазного общества, которое, по утверждениям Франкфуртской школы, является источником социальной патологии.

Выдвижение на первый план культурного марксизма в качестве основной посткоммунистической левой силы является, пожалуй, самой убедительной попыткой обрести в рамках марксизма преемственность, которая стала вызывать сомнения. При этом принимается всерьез утверждение теоретиков Франкфуртской школы о том, что они являются «марксистскими критиками культуры». Как бывший ученик Герберта Маркузе, я лично могу засвидетельствовать, что этот культурный марксист никогда не сомневался в том, что он отстаивает принципы марксизма-ленинизма. Маркузе не находил никаких серьезных различий в предмете рассуждения между своими наблюдениями в «Одномерном человеке» по поводу репрессирующей эротике буржуазной культуры и диалектическим материализмом Маркса. В обоих случаях имела место попытка осветить «иррациональную» природу капиталистического общества, находящую отражение

в его неспособности удовлетворить потребности человека. Более того, Маркузе восхвалял советский социализм и, когда советские танки в 1956 году раздавили венгерское «социалистическое» восстание, выступил в поддержку советского «наступления на фашизм», подобно другому пламенному поклоннику Франкфуртской школы Георгу Лукачу¹⁷. Маркузе сочетал преданность марксизму-ленинизму в его сталинистском обличье с постбуржуазными эротическими фантазиями. Но никакой логической связи между ними не было, если не считать того факта, что, по пророчеству Маркса, на смену буржуазному обществу придет пролетарский социализм.

Иными словами, ничего собственно марксистского в «культурном марксизме» нет, если не считать упований на постбуржуазное общество. Однако сторонниками этого нового марксизма движет не исторический материализм, а отвращение к буржуазной христианской цивилизации. Ошибка тех, кто видит здесь последовательный переход одной позиции в другую, состоит в том, что они путают содержание с персоналиями. Например, ныне покойная Белла Абцуг, выросшая в семье радикально настроенных русских евреев, начинала свою политическую карьеру как коммунистка, осуждавшая американское правительство за предоставление оружия Англии в период действия советско-нацистского пак-

¹⁷ О сокрушительной атаке на Маркузе, предпринятой другим моим наставником, см.: Eliseo Vivas, *Contra Marcuse* (New Rochelle: Arlington House, 1974).

та. Позднее Абцуг превратилась в яростную феминистку, а к концу жизни бросила всю свою энергию на защиту прав гомосексуалистов. Но, хотя эта женщина, называвшая себя бунтаркой, и в Конгрессе, и вне его занимала исключительно левые позиции, непонятно, каким образом ее феминизм или защита прав гомосексуалистов вытекали из ее приверженности марксизму или сталинизму. Эти убеждения можно связать с ее образом собственного «я» как маргинализованной еврейки, свергнутой во враждебную культуру. Но как бы то ни было, все ее идеи, при их несомненной левизне, теоретически никак между собою не связаны. В отличие от Абцуг, Маркс и Ленин хотя и не любили буржуазию и капиталистическое угнетение, но не обвиняли ее в пренебрежении правами гомосексуалистов или проблемами, которые волнуют феминисток. Первоначально победоносные советские коммунисты подумывали о ликвидации брака как «буржуазного института», но быстро опомнились и, подобно позднейшим коммунистическим режимам, закончили принудительным навязыванием пуританской морали. Сегодня антибуржуазные социальные мыслители, как и последователи Франкфуртской школы, называют себя марксистами и вышагивают под красными знаменами, но это лишь игра слов и символов. Они представляют исторический и теоретический марксизм примерно в том же смысле, в каком епископ Спондж, «либеральный» ньюаркский иерарх Епископальной церкви, сегодня борется за догматическое христианское бо-

гословие¹⁸.

Критики культурного марксизма справедливо отмечают, что в Америке у Франкфуртской школы появилось много приверженцев, но здесь нужно кое-что прояснить. Для исследования американизации культурного марксизма чрезвычайно важна «Авторитарная личность», вместительная антология, широко разрекламированная как первый том серии «Исследование предрассудков». Спонсоры, по собственной инициативе связавшиеся с беглыми немецкими радикалами и хорошо заплатившие им за работу, принадлежали к совершенно нерадикальному Американскому еврейскому комитету. В то самое время, когда готовился выпуск «Авторитарной личности», эти же жертвователи создавали *Commentary*, журнал прогрессивный, филосемитский и при этом антисоветский. Кристофер Лэш полагает, что это совпадение говорит о многом. Спонсоры «Авторитарной личности» определенно не поддерживали антиамериканизм. Какие бы остаточные сталинистские завихрения ни воодушевляли редакторов сборника, те, кто давал им деньги, продвигали антикоммунистический американский патриотизм, что подробно доказывается в моей книге «После либерализма». Сеймур

¹⁸ Джон Ш. Спондж (John S. Spong) – епископ Ньюаркской епархии Епископальной (англиканской) церкви (штат Нью-Джерси) с 1976 по 2001 г., автор многочисленных богословских работ. Странник радикального реформирования христианской веры и догматики («новой Реформации»), в частности отхода от теизма и отказа от веры в загробное воздаяние. Известен также как активный защитник прав гомосексуалистов, женщин и расовых меньшинств. – *Ред.*

Мартин Липсет, восторженный комментатор и один из авторов «Исследования предрассудков», полагал, что предложенный Адорно и Хоркхаймером психологический подход к «предрассудкам», особенно к антисемитизму, был прорывом в области социологии и модификации социального поведения. В 1955 году Липсет представил антикоммунистическому социал-демократическому Конгрессу за культурную свободу *собственный* вариант их подхода – работу об авторитаризме рабочего класса¹⁹. Что касается «Авторитарной личности», для Липсета так и осталось загадкой, почему редакторы «проглядели» и не включили коммунизм в состав патологических особенностей психики. Однако Липсет и другие прогрессистские сторонники «американской демократии» никогда не сомневались, что для спасения Америки от опасных для демократии вывихов сознания Адорно и Хоркхаймер предложили действенное лекарство.

Хотя «культурный марксизм» пришел в американскую жизнь из-за рубежа, он превосходно здесь прижился, подобно рождественской елке и булочкам с сосисками. Считать его чужеродным явлением означает игнорировать известные факты. К тому времени, когда «Авторитарная личность» попала в Европу, рассматриваемые в ней предметы уже при-

¹⁹ Christopher Lasch, *The True and Only Heaven: Progress and Its Critics* (New York: Norton, 1991), P. 457–461; Paul Gottfried, *After Liberalism: Mass Democracy in the Managerial State* (Princeton: Princeton University Press, 1999), P. 72—109. Знаменитый текст Липсета об авторитарности рабочего класса впервые был опубликован в *American Sociological Review*. Vol. 24 (1959). P. 482–501.

няли формы, характерные для американских «новых левых» и либералов периода «холодной войны». Это психологическое понимание реакционных установок оказалось столь глубоко американским в силу одновременного действия двух факторов – консолидации в Америке централизованного бюрократического государства и притока разных этнических и национальных групп. «Расовая проблема», по-прежнему продолжавшая быть мучительным нарывом, также способствовала укоренению в американской политике благожелательного научного административного управления, сулившего разрешение проблем в отношениях между группами через новое понимание этих проблем. Именно нарастающее разнообразие меняющегося американского общества, не знавшего жесткой этничности европейских государств, сделало управляемую демократию и ее детище, социальную инженерию, сущностными чертами нового политического ландшафта. Предложенная радикальными иммигрантами идея сделать американцев менее религиозными и более отзывчивыми более или менее совпала с тем, что американцы уже делали сами и для себя. Эта идея к тому же никоим образом не противоречила проповедям основных протестантских деноминаций о плюрализме и социальной справедливости. Жалобы на то, что протестантская теология вырождается в сентиментальные разговоры о «человечности», слышны, по меньшей мере, со времен «Нового гуманизма» – кружка утонченных профессор-янки, возникше-

го в начале XX столетия. Высказывания критиков гуманитарной религии Ирвинга Бэббита и Пола Элмера Мора свидетельствуют о том, что американский протестантизм в наши дни, по-видимому, передразнивает свое собственное бесцветное прошлое²⁰.

Можно показать, что европейские постмарксистские левые многое позаимствовали из американской культуры. Вопреки мнению, что идеологические поветрия движутся через Атлантику исключительно с востока на запад, вернее будет предположить обратное. В Европе продается больше американских книг, чем в Америке европейских, а европейское телевидение и кинотеатры безостановочно крутят американскую продукцию. После Второй мировой войны не европейцы завоевали Америку и взяли на себя цивилизаторскую миссию, а США перестраивали «гражданскую культуру» Германии. Американцы, в силу незнания языков, а также из-за сравнительных финансовых возможностей, не так часто ездят учиться в Европу, как европейцы в Соединенные Штаты Америки. Настаивать на том, что европейцы не могут импортировать наши политические ценности – наивный анахронизм, особенно с учетом травматических разломов в европейской жизни, созданных опустошительными войнами

²⁰ Непревзойденным исследованием религиозных и литературных корней и политических последствий американской сентиментальности является работа: Irwing Babbitt, *Democracy and Leadership* (1924; reprint, Indianapolis: Liberty Classics, 1991). См. также написанную в том же духе статью: Claes Ryn, "On American Empire", *Orbis*. Vol. 47. Vol. 3 (summer 2003). P. 383–397.

двадцатого столетия.

У европейских левых этот процесс заимствования зашел так далеко, что повлек за собой внедрение направлений политики, разработанных для американской исторической ситуации, в европейскую политическую повестку дня. Мало того, что европейцы переводят и взахлеб читают работы таких американских феминисток, как Кэтрин Маккиннон, Андреа Дворкин и Глория Стейнем, чьи книги продаются в европейских столицах и цитируются в европейской прессе. И дело не ограничивается тем, что речи европейских защитников прав гомосексуалистов звучат как переводные американские тексты. Еще поразительнее то, что европейские прогрессисты пытаются распространить американское законодательство о гражданских правах на иммигрантов из «третьего мира», которых европейцы никогда не делали рабами и которые прибывают в Европу по собственному желанию. Исследования, проведенные Рэем Хонифордом, Джоном Лафландом и Эриком Вернером, демонстрируют размах этого подражания: европейцы вводят меры «положительной дискриминации» для иммигрантов из Северной Африки или Восточной Индии, а европейская пресса говорит о ситуации людей из «третьего мира», решивших осесть в Европе, в тех же выражениях, какие используют американские либералы, рассуждающие о положении американских негров²¹. По существу

²¹ См., например, Ray Honeyford, *The Commission for Racial Equality: British Bureaucracy and the Multiethnic Society* (New Brunswick, N.J.: Transaction

европейские левые, подобно канадским и австралийским левым, доводят до крайностей тенденции, заимствуемые ими у американцев: они требуют уголовного преследования за политически некорректные высказывания как за подстрекательство к «фашистским» акциям. В отсутствие налагаемых классическим либерализмом ограничений, которые все еще действуют в пределах Америки, европейские сторонники отзывчивости требуют драконовских мер против политически некорректных белых христиан мужского пола. Но это опять-таки возвращает нас к американским образцам и к таким почтенным борцам за дифференциацию свободы слова, как Маккиннон, Стэнли Фиш и Корнелл Уэст. Когда рожденный в Германии Маркузе метал в 1960-х и 1970-х годах громы и молнии против ужасов «репрессивной толерантности», он выступал в защиту цензуры, находясь в американской университетской среде и создавая свои тексты на английском языке.

Но, подражая американцам, европейские левые демонстрируют определенную и довольно заметную двойственность. Вследствие своего рода эдипова комплекса они бичуют культуру и общество, которым подражают. Так, европейские левые выискивают сюжеты, которые помогли бы им

Publishers, 1998), особенно P. 51–91; John Laughland, *The Tainted Source: The Undemocratic Origins of the European Idea*. (London: Trafalgar Square, 2000); Eric Werner (with Jan Marejko), *L'après-démocratie* (Lausanne, Switzerland: L'Age d'Homme, 2001); а также рецензию Вернера на мою книгу *Multiculturalism and the Politics of Guilt* в: *Catholica*. Vol. 78 (winter 2002–2003). P. 116–120.

стать непохожими на заокеанского гиганта, и чем они левее в европейском политическом спектре, тем более озлобленно звучат их голоса. Американцев обвиняют в загрязнении окружающей среды, в демпинговом сбыте товаров странам «третьего мира», чтобы помешать их экономическому росту, в поддержке Израиля, который изображается как западный колониалист, угнетающий принадлежащих к «третьему миру» палестинцев. Столь злобными их делает не что иное, как их очевидная культурная зависимость, – иными словами, европейские левые паразитируют на американских идеологических поветриях. Они давно уже не экспортируют в Новый Свет ничего культурно значимого, если не считать постмодернистской литературной критики, которая привилась на кафедрах английского языка и литературы в университетах Лиги Плюща и в их провинциальных сателлитах. На самом же деле европейские левые так и не оправились от шока, каким стал для них развал советской империи. Пока эта диктатура еще как-то продолжала гроыхать, левые могли тешить себя причастностью к марксистской традиции, связанной мировой военной державой, и соответственно в своих протестах против вульгарности американской культуры и засилья консьюмеризма могли ссылаться на идеализированный образ Советского Союза²². С распадом коммуни-

²² Аргумент о роли Советов как альтернативы американской империи, особенно для французских коммунистов, см. в: Stéphane Courtois, Marc Lazar, *Histoire du parti communiste* 2d ed. (Paris: Presses Universitaires de France, 2000); Marc Lazar, *Le communisme: Une passion française* (Paris: Perrin, 2002); а также Michel

стического блока мировой социализм остался в прошлом. А расширение американского влияния ведет к тому, что европейские леваки обречены сочетать ностальгию по коммунистической диктатуре с американскими причудами. Отсюда и преобладающие в Европе левые гибриды, требующие проведения политики, изобретенной американскими социальными работниками или феминистками из американских университетов.

Наконец, нужно исключить ту гипотезу, что американцы, канадцы и западноевропейцы одновременно и независимо друг от друга наткнулись на те же самые идеологические проблемы. Поскольку-де эти народы развиваются параллельно и претерпевают, скажем, одновременный переход от экономики индустриальной к экономике, в которой центром тяжести становится сфера обслуживания, или переживают массовый выход женщин на рынок труда, то представляется вероятным, что к одним и тем же идеям они придут одновременно. Но этот вывод придется отбросить. Можно указать на экономически развитые общества – скажем, на Японию, – где женщины вышли на рынок труда, но где при этом феминизм, эмансипация геев и мультикультурализм не играют заметной роли.

Хотя в Италии в семейной жизни действуют те же тенденции, что и в Германии – низкий уровень рождаемости и работа женщин вне дома, – размах идеологических изме-

нений в этих странах неодинаков. В Германии феминистское движение шире и активнее, чем в Италии. Особую тягу к американской политической культуре проявляют страны и группы с предрасполагающими к тому чертами: скажем, немцы, демонстративно отвергшие собственные исторические традиции, или англоязычные общества, которые втягиваются в американскую культурную и политическую орбиту в качестве младших партнеров. Наконец, учитывая заметную асимметрию культурного обмена, трудно предположить, что европейцы не испытали значительного влияния своих американских кузенов. Соотношение культурной продукции, экспортируемой из США в Европу и импортируемой оттуда, составляет пятьдесят к одному. Бен Уаттенберг в работе «Первая всемирная нация» приводит этот факт как свидетельство американского культурного превосходства²³. Но, если отвлечься от смысла высказывания Уаттенберга, можно, не страшась обвинений в американском шовинизме, заключить, что торговля культурной продукцией действительно показательна для характеристики взаимного влияния. Гипотеза о параллельном развитии применительно к идеологии неприемлема, даже если все изученные влияния идут преимущественно в одном направлении. По-видимому, необходимо поднять вопрос и о той школе социальной критики, образцом которой можно считать работу Аллана

²³ *Wattenberg B. The First Universal Nation: Leading Indicators and Ideas about the Surge of America in the 1990s. New York: Free Press, 1991. P. 210–213.*

Блума «Затмение американского разума», автор которой исходит из сомнительной посылки, что американские университеты и американские культурные институты оказались в плену вредоносных иностранцев, обыкновенно говорящих с немецким акцентом. Такого рода обвинения по сердцу американским патриотам, которым трудно вообразить, что нечто такое, что они находят отвратительным, может иметь чисто американское происхождение²⁴.

Но то, на чем делает акцент учение о пагубном иноземном влиянии, носит одновременно субъективный и эмоциональный характер. На каком основании мы должны верить, что эгалитаризм или сентиментальное сочувствие предполагаемым жертвам, пронизывающее нашу университетскую жизнь, не могли возникнуть на национальной почве, а должны были быть заимствованы из Европы, прежде чем укорениться здесь? По мысли Блума, моральные устои Америки разрушает не радикальный эгалитаризм, а «немецкое влияние», источником которого являются Ницше и Хайдеггер. Давно умершие реакционные тевтоны призваны к ответу в качестве постмодернистских творцов скептицизма, разрушающего американские демократию и равенство, который, по мнению Блума, царит в наших университетах.

²⁴ Allan Bloom, *The Closing of the American Mind* (New York: Simon and Schuster, 1987); см. также мой ответ на составленный Блумом *dossier á charge* [обвинительный акт (*франц.*) – *Ред.*] в адрес засоряющих нашу культуру тевтонов: Paul Gottfried, “Postmodernism and Academic Discontents”, *Academic Questions*. Vol. 9. Vol. 3 (summer 1996). P. 58–67.

Хотя «Затмение американского разума» в стане либерализма периода «холодной войны» представляет собой полный аналог консервативного выпада Бьюкенена против вредоносных иностранных влияний, но, когда дело доходит до текстуальных доказательств, интерпретация Блума оказывается еще более худосочной. Мнения и оценки – вот и все, что остается после чтения его книги. Впрочем, его сближает с Бьюкененом та мысль, что американская империя представляет собой разбухшую губку, которая без разбора засасывает всякие неамериканские идеи. Такой картине давно уже место на чердаке, среди прочего ветхого хлама.

В главе 2 мы рассмотрим непростую историю марксистской теории после 1960-х годов, определявшуюся растущим несоответствием между марксистско-ленинскими пророчествами и непокорной действительностью. Поскольку развитые капиталистические страны так и не рухнули под тяжестью экономических проблем и противоречий, а марксистские правительства были заняты дефицитом материальных благ и крайней непроизводительностью экономики и поскольку западноевропейские коммунистические партии так и не сумели побить собственный рекорд на выборах (порядка трети голосов избирателей), коммунистам и их сторонникам пришлось подыскивать объяснения этим малоприятным фактам. Объяснения, предложенные внутри и извне коммунистических партий, потребовали смещения акцентов через отказ от прежнего европоцентризма. После этого, по заме-

чанию историка Клауса фон Бёме, марксистские теоретики были вынуждены говорить о несопоставимости социалистических и капиталистических обществ²⁵

²⁵ См.: Klaus von Beyme, “Vom Neomarxismus zum Post-Marxismus”, *Zeitschrift für Politik* Vol. 38. Vol. 2 (1991). P. 124; а также Klaus von Beyme, *Ökonomie und Politik im Sozialismus* (Munich: Piper Verlag, 1975), особенно P. 15–19.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.